

— Завтра поедем к бабушке,— сказал папа.

— Кто это — бабушка?

— Это моя мама,— сказал папа.

— У папы тоже есть мама?

— У каждого есть мама.

— Даже у кошки?

— Даже у собак, кошки и мышки,— сказал папа.

— А где твоя мама живёт?

— В деревне.

— Как это?

— Увидишь.

На следующее утро папа и сын отправились в дорогу. Ехать надо было на электричке два часа, потом ещё час на автобусе.

Ехали долго, в автобусе мальчик уснул. Проснулся от того, что автобус остановился, и все стали выходить.

Они вышли и пошли по улице. Мальчик с любопытством рассматривал дома, совершенно не похожие на дома в городе. На улице гуляли куры. Белая коза была привязана к кольшку и щипала траву. Она посмотрела на них и сказала: бе-е-е. Прошли мимо небольшой красной церкви и подошли к деревянному дому за дощатым забором. На крыльце стояла старая женщина. Взошли на крыльцо.

— Здравствуй, мама. Привёз тебе внука.

Старая женщина, как понял мальчик, была мама папы. Она наклонилась к нему и обняла.

— Как зовут тебя, внучок?

— Гоша.

— Это как будет?

— Георгий,— подсказал папа.

— А-а,— сказала бабушка,— по-нашему, Егорий. Егорушка, значит. Входите в дом. Сколько тебе годков будет?

— Пять годов,— сказал мальчик и показал пальчики на руке.

В доме на деревянном крашеном полу лежали узорчатые половики, длинные, от двери во всю комнату до окон. На бревенчатых стенах в рамах висели два портрета в рамах. Молодой человек

в чёрном пиджаке, белой рубашке и жилетке, и женщина, тоже молодая, в цветастой кофте и с косой, закрученной на голове.

— Это я с отцом твоего папы, Егорием его звали, мужем моим, и я — твоя бабушка.

— А-а,— сказал мальчик.— А это кто? — спросил он, показывая на большую раму, в которой было много фотографий с разными людьми.

— Сродственники. Вот твой папа молодой. Поскребыш мой.

— Как это?

— Седьмой мой, младшенький. Потому и зовется — поскребыш. Больше уж не рожала... Больше уже не было у меня детей,— быстро добавила бабушка, увидев недоумение на лице внука.

В углу мальчик заметил другие портреты. Некоторые блестели, как золотые. На раме, обрамляющей их, лежало белое вышитое красным узором на концах, свисавших с обеих сторон, полотенце. Горел фонарик, подвешенный на верёвочке под портретами.

— А это кто? — Продолжал спрашивать мальчик, который никогда не видел портреты в золотой рамке.

— Образа,— сказала бабушка.

— Как это?

— Это для молитвы,— ответила бабушка. — Пойдёмте, поедим, устали и проголодались, поди, с дороги.

В большой комнате о трёх окнах посередине стоял большой стол. На скобленных досках стояли два больших глиняных кувшина, а по краям лежали три белые тарелки и железные ложки. В мисках лежали горкой белые куриные яйца, зелёные огурцы и красные большие помидоры.

— Ждала,— сказала бабушка.— Ты, Егорушка, садись слева от меня, а папа справа. А я посерединке буду.

— Я не Егорушка. Я Гоша,— сердито сказал мальчик.

— Вот уж, внучок, и осерчал. Не серчай на старую. Это кувшин с квасом. Не такой, как у вас

в городе. Настоящий. Сама затевала. А в этом — молоко, парное, с утренней дойки. Помидоры да огурцы с огорода. Картошка тоже своя. Нонешний год всё уродилось. То ведро, то дождь, вот и росло как на дрожжах. Ешьте, дорогие, ешьте. Не гребайте нашей едой. От неё здоровье будет. Вон ваша бабушка, скоро восемьдесят, а сама с огородом и хозяйством управляюсь. Дедушка ваш помер, Царство ему Небесное,— старая женщина перекрестилась, обратившись к образам,— десять лет как помер. Грыжу вырезали, а он помер. Говорят от наркоза.

Стали есть. Мальчику больше всего понравились белые яйца. Их надо была стукнуть по столу. Квас не понравился. Совсем не похож на фанту. Огурцами можно было забавно хрустеть.

После еды мальчику стало скучно.

У старой женщины было коричневое, всё в морщинах лицо и коричневые руки с твёрдыми ногтями. Она всё говорила с папой о каких-то людях, которых мальчик не знал.

— Пап, ты взял айфон? Где он?

— В сумке,— сказал папа.— Пойди, посиди на крыльце.

Мальчик вышел.

— Как у тебя дома? Сладились?

— Думал, сын родится, отношения поправятся.

— Ан, нет?

— Да-а,— со вздохом сказал сын.

— Может, второго родить?

— Этот весь на моих руках. А при наших отношениях...

— Только не разводись. У нас в роду никто не разводился, как говорили, слюбится — стерпится...

— Стерпелось бы, если бы любилось.

— Куда смотрел, когда женился? Старших не спрашивал.

Сын не успел ответить. В комнату вбежал мальчик.

— Озяб? — спросила бабушка.— Да, уж сентябрь.

— Пап, посмотри!

Он протянул отцу айфон.

— «Лови волну». Круто!

— Круто,— сказал отец, едва взглянув на дисплей.

— Хочешь, бражка у меня есть,— сказала старая женщина.— Отцу твоему делала. Добрая.

Она пошла в другую комнату и через минуту вернулась с большой бутылью с мутно-белой жидкостью.

Достала из резного деревянного буфета два стакана и поставила на стол.

— И я с тобой выпью.

Мальчик видел, как папа и старая женщина выпили из стаканов и потом взяли по огурцу.

— А мне можно? — спросил мальчик.

— Что ты, касатик,— поспешно сказала старая женщина,— это питье для взрослых. А для тебя я купила у нас в магазине вот это. Не знаю, как называется. Все берут своим детям. Я подумала, дай возьму своему внучонку.— Вынула из буфета и поставила на стол бутылочку с желтой жидкостью.

— Фанта,— сказал мальчик.

Потом папа и старая женщина впили ещё. Через некоторое время у неё щеки стали красные и лицо весёлое.

— Я, когда выпью, песни всегда быстро играю.

Она встала из-за стола и, поводя, плечами запела.

«Ты военный, ты военный,

Ты военный не простой,

Ты на севере женатый,

А на юге холостой».

— И-е-е-е-х!

И старая женщина с размаху опустила на стул рядом с папой, обняла его за плечи.

— Не горюй, поскребыш. Смотри, какой у тебя сын. Егорушка ты жалеешь папку?

— Как это? — спросил мальчик.

— Любишь, Егорушка, папу, значит?

— Я Гоша.

— Ну, Бог с тобой, Гоша, так Гоша. Не было у нас в родне таких.

— Меня мама так назвала.

— Ох, уж эта мама, козёл её дери.

— Поедем мы,— сказал папа.— Пора.

— Она осерчает? — спросила старая женщина.

— Нет. В самом деле, пора. Долго ехать. Он устанет.

Простились на крыльце.

Старая женщина три раза поцеловала папу в лицо, а мальчика обняла, прижала к вязаной кофте на груди, потом отстранила от себя и перекрестила.

— Ну, Гоша, так Гоша,— сказала.— Передавай привет своей,— сказала она папе.

Ехали опять на автобусе, потом на электричке.

Дома мама спросила папу:

— Жива ещё?

Папа ничего не ответил.

Мальчик, в самом деле, с дороги устал.

Засыпая, он сказал папе, присевшему к нему на край постели:

— Твоя мама русская?

— Русская, как я и ты.

— А на каком языке она говорила?

Ответа папы мальчик не услышал. Он уснул.